

ПРОЕКТЫ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 821.161.1
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-3

М. А. Литовская
К. С. Третьякова
Екатеринбург, Россия

«ЛИЧНЫЕ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ» В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассмотрен ряд текстов, представляющих популярное в современном российском литературном процессе проблемно-тематическое направление: подчеркнуто субъективную «историю литературы», написанную с точки зрения не литературоведа, а педагога, писателя и т. п. Причины, побуждающие к созданию текстов подобного рода, критерии, положенные авторами в основу таких «историй», сюжетно-композиционное и проблемное типологическое сходство позволяют говорить об их специфическом месте в российской словесности, обусловленном реакцией как на «академическую» историю литературы, так и на изменившееся положение художественной литературы в современной России.

Ключевые слова: история русской литературы, русская литература XXI века, популярное литературоведение.

M. A. Litovskaya
K. S. Tretyakova
Yekaterinburg, Russia

«PERSONAL STORIES OF THE LITERATURE» IN THE LITERARY PROCESS OF THE MODERN RUSSIA

Abstract. In the article a number of the texts representing the problem and thematic direction, popular in modern Russian literary process, is considered: the subjective «history of literature» written from the point of view of not the literary critic, but the teacher, the writer, etc. The reasons inducing to creation of such kind of texts, its typological similarity allow to tell about their specific place in the Russian literature caused by reaction both to the «academic» history of literature, and to the changed provision of fiction in modern Russia.

Keywords: history of Russian literature, Russian Literature of 21 Century, popular literature studies.

История литературы (далее — ИЛ) — один из основных разделов науки о литературе, изучающий «процессы развития мировой литературы, национальных литератур и творчества отдельных писателей» [БЭС 2002: 650]. Появление и развитие этого научного направления было социально и исторически обусловлено стремлением последовательно фиксировать факты литературного процесса, выявлять его закономерности, тем самым подтверждая существование корпуса региональной / национальной / мировой литературы.

Отношение к ИЛ как к объективной области знания прочно закрепилось в общественном сознании: она «безымянна», составлена профессионалами, посвящена тому, что существовало «на самом деле», и т. п. Сохранению подобного мнения об ИЛ немало способствовала и способствует культурная элита. По словам Т. Венедиктовой, «мы все, кто больше, кто меньше, застали это состояние нашей области знания: убежденность в объективности и непререкаемости “основополагающих” посылок, упование на системность и эволюционную преемственность описания как гарантии полноценного осмысления материала» [Венедиктова 2003: 14].

Однако сегодня мысль о том, что ИЛ, как история вообще, далеко не так объективна, какой она представлялась еще в недавнее время, становится все более популярной. В последней трети XX века утверждается мысль, что любой канон кем-то формируется, что «историки — живые люди, которые руководствуются определёнными политическими

приоритетами, имеют определённые философские воззрения, зависят от их национальных чувств. Они не принадлежат к категории святых и не обладают монополией на историческую правду» [Буллер 2001]. Ситуация усугубилась общим поворотом в гуманитаристике к признанию того, что любая история является метанарративом, что она изначально не может быть достоверной, так как временная и культурная дистанция между описываемым и анализируемым, “событием” и “историей” порождают свои идеологические задачи, которые приходится неизбежно учитывать при обработке материала, побуждают «искажать» факты, интерпретируя их определенным образом.

Проблематизация создания ИЛ и ее восприятия в современной России связана также с радикальными социальными изменениями. В советское время отношения, установившиеся между литературой и властью, не позволяли вслух рассуждать о субъективности литературоведения и его составляющих. В 1980–1990-е гг. одним из последствий советского / российского политического переворота стала очевидность корреляции между представлениями о закономерностях литературного процесса и господствующей идеологии, что резко снизило доверие к официальной ИЛ, побудило критиковать ее, создавать альтернативные ее варианты. Более того, обсуждение критериев создания ИЛ занимает важнейшее место в литературоведческих спорах 2000-х годов [Лейдерман 2005]. После кардинального пересмотра набора имен и текстов русской литературы в 1990-

е г., споров о школьных и вузовских предметах с соответствующими названиями ИЛ начинает восприниматься как часть литературоведения, подвижная не менее, чем литературная критика. Несложно показать, как, опираясь на одни и те же факты литературного процесса, разные авторы создают свои, отличные от других, варианты ИЛ.

В итоге возникла даже радикальная идея, что построение ИЛ принципиально невозможно. По мнению И. Литвина — рецензента специального номера «Нового литературного обозрения», посвященного «Другим ИЛ», «основная проблема состоит в отсутствии концепции, под которую можно было бы подвести историко-литературный материал» [Литвин 2003], хотя точнее, видимо, было бы говорить все же о смене существующих концепций, а не об их отсутствии. М. Гаспаров в своей статье «Как писать историю литературы» рассуждает о несовершенстве ИЛ как о следствии того, что «мы слишком мало знаем эту самую историю литературы, знаем в основном историю писателей, да и то наиболее крупных» [Гаспаров 2003: 142].

Стремление к охране и защите «наработанного поколениями достояния от неразумных экспериментов», с одной стороны, и к «совершенно другой ИЛ» — с иной, провоцирует появление такого типа ИЛ, авторы которых исходят из того, что «канонизация трактовок чересчур сужает кругозор читателей, а смещение культурных парадигм позволяет заметить, выявить или даже выстроить новые аспекты значения или функционирования текста» [Шенле 2003: 125]. Одним из продуктов отказа от канонизации, осознания недоступности объективно написанной истории являются тексты, где скрытой субъективности группы авторитетных лиц в области литературоведения (авторов «академических» ИЛ) противопоставляется открытая субъективность автора, который создает свой вариант ИЛ. Эти тексты так или иначе обозначаются авторами как ИЛ и возникают как явная реакция на авторитарную традиционную ИЛ на пересечении нескольких тенденций: открытого признания субъективности ИЛ (книга Маруси Климовой так и называется «Моя история литературы»), использования привычной веры общества в значимость истории как систематизированного знания и желания популяризовать литературу как вид искусства. Мы в дальнейшем будем называть их «личными ИЛ».

Традиционная история предполагает, что автор несет ответственность за правдивость тех интерпретаций, которые он предлагает читателю, автор «личной ИЛ», которая в большей или меньшей степени носит альтернативный общепринятому характер, с легкостью списывает свой немотивированный выбор имен писателей, трактовок их творчества или тенденций развития литературы на особенности своего восприятия. Установка на открытую интерпретационную субъективность подчеркивается в большинстве случаев неакадемичным стилем речи, иногда — заявкой на игровое начало. Адресатом такой ИЛ являются, в первую очередь, непрофессионалы: те, кто в аннотациях к книгам именуется «всеми, интересующимися литературой».

Это предоставляет автору большую свободу для выражения своего авторского «я», однако требует от него отказа от «абсолютистских» претензий интерпретатора (критика, историка и литературоведа в одном лице) на полноту знания, которое было бы тождественным полному «владению культурой», «держанию» привилегий на ее интерпретацию и оценку, и признание крайней односторонности или ограниченности «классической» парадигмы литературоведения» [Гудков, Дубин 2003: 219]. Автор в рамках подобной ИЛ волен давать любые оценки, сопрягать низкое с высоким, «смешивать эпифанию и балаган» [Тиханов 2003: 344], но с учетом того, что главный принцип таких ИЛ предполагает: любое авторское высказывание не является абсолютной истиной и может быть оспорено, тогда как традиционная ИЛ основана на такой интерпретации текста, для которой «характерна принципиальная невыявленность собственной ценностной позиции», то есть автор ИЛ предлагает читателю «единственный» вариант понимания, как бы замещая самого автора» [Гудков, Дубин 1994: 58].

Традиционная ИЛ основана на стремлении выявить и максимально полно описать закономерности литературного процесса, включив в них как неотъемлемую составную часть отдельные творческие индивидуальности и тексты. Характер «личной ИЛ» определяется, в первую очередь, авторской интенцией. Наиболее очевидно они делятся на «сохранительные» и альтернативные «официальной» истории.

Типичным вариантом «сохранительной» «личной ИЛ» оказываются истории, основанные на существующих в обществе нормативах, например, школьной (вузовской) программах по литературе. Их задача: сохраняя и лишь в отдельных случаях корректируя существующий набор имен и текстов, сделать интерпретацию их более интересной для меняющейся / изменившейся аудитории, в первую очередь, школьной. Яркими примерами таких ИЛ являются «Родная речь» П. Вайля и А. Гениса, три книги «Литературной матрицы», «Книги XX века: Русский канон: Эссе», «Двадцать книг XX века», «Тридцать книг XX века» И. Сухих. При этом, если авторы «Родной речи» («Литературной матрицы») стремятся «оживить» скучные трактовки советских (российских) школьных учебников, давая интересующемуся ученику и, в первую очередь, преподавателю новый вариант прочтения известнейших книги толкования писательских судеб, то И. Сухих идет дальше, корректируя сам школьный список.

Авторский диахронный список «лучших книг» (в «Русском каноне» это «Вишневы сад» А. Чехова, «Мать» М. Горького, «Петербург» А. Белого, «Мы» Е. Замятина, «Сентиментальные повести» М. Зощенко, «Разгром» А. Фадеева, «Кон-армия» И. Бабеля, «Чевенгур» А. Платонова, «Дар» В. Набокова и «Мастер и Маргарита» М. Булгакова) подчинен ответу на вопросы, поставленные во Введении: «Была ли наша литература пророчеством или провокацией?»; «В какой мере поспевают описание за реальностью — до или после?» [Сухих 2001: 5]. Набор текстов обречен вызвать вопросы читателя: «Глядя на этот список, поначалу нельзя не поду-

мать, что автор, мягко говоря, не совсем прав. Почему “Мать”, а не “Жизнь Клим Самгина”? Почему “Сентиментальные повести”, а не “Голубая книга”? Зачем “Разгром”?» [Дмитренко 2001]. Но автор отбивает возражения, подчеркивая, что он рассматривает русскую литературу XX века с точки зрения представления о каноне, а художественные тексты важны для него, в первую очередь, как знак мироозерения и мироотношения определенного времени. Канон рассматривается как система текстов, «служащих нормативным образцом» в литературе и литературоведении, а интерес для создателя этой ИЛ представляют произведения, которые, «мало что меняя и определяя в мире внешнем и сиоиминутном, многое меняют в мире прошлого, в конечном счете — перекраивают и переписывают историю» [Сухих 2001: 12]. И. Сухих в своих эссе развивает мысль соответствии выбранных им «образцовых» текстов со *своим* видением закономерностей ИЛ, тем самым приоткрывая «кухню» создания любой ИЛ.

При этом И. Сухих не скрывает, что его книги специфически автобиографичны. Преподаватель все тексты отбирает в соответствии с личной практикой, исходя из своей концепции курса истории русской литературы соответствующего периода. Составляющие книгу эссе могут быть прочитаны как своего рода вузовские лекции, автор которых разбирает сюжеты, героев, структуру текстов, предлагает свои обобщающие интерпретации их, опираясь на работы предшественников, но не прикрываясь ими. В результате известные тексты, «не теряя многолетнего хромостатийного глянца, начинают подсвечиваться люминесцентными лампами» [Дмитриев 2001: 196]. Щегольство профессионального аналитика поддерживает профессиональный статус автора — вузовского лектора.

В то же время качество отбора и разбора текстов «русского канона» помогает выполнить важный социальный заказ. Современное российское общество выражает потребность в том, чтобы был, наконец, определен состав классических текстов XX века (классика XIX века более или менее определена и на уровне школьного изучения неизменна), чтобы кто-то авторитетно объяснил, что необходимо знать о литературе прошлого века. И. Сухих отвечает на эту потребность списком книг, расширяющимся от переиздания к переизданию, в котором стремится учесть каноны дореволюционной и послереволюционной литературы, поэзии, прозы, драматургии, литературы метрополии и эмиграции. Тем самым он лично определяет статус этих произведений как эталонный, самостоятельно определяет степень их безупречности, принимая на себя функцию всей культурной элиты.

Близкую задачу ставит перед собой и писатель, поэт и журналист Д. Быков. Он создает свой «Краткий курс советской литературы» и сопутствующие ему книги «Советская литература. Расширенный курс», «Календарь. Разговоры о главном» (2011), «Календарь — 2. Споры о бесспорном» (2011), «Тайный русский календарь. Главные даты» (2012) как своеобразный авторский образовательный проект. «Календари» представляют попытку структури-

ровать жизнь человека русской культуры по значимым историко-литературным датам. «Курсы», как сказано в аннотации, основаны на уроках литературы в старших классах московской школы «Золотое сечение» и курсе истории литературы XX века, прочитанном автором в МГИМО.

«Курсы» имеют структуру учебника с введением, заключением и основной частью, состоящей из очерков-эссе, посвященных собственно разбору творчества советских писателей. Автор далек от академичности, предполагающей «строго научное исследование предмета и объективное его изложение». История советской литературы для Д. Быкова начинается с М. Горького, а заканчивается эссе о советской массовой литературе. В свой «Краткий курс» Быков помещает не только общепризнанно великих советских авторов, но и литераторов менее известных. Читатель наряду с именами М. Горького, С. Есенина, А. Ахматовой, И. Бабеля, М. Зощенко, Ю. Олеши, В. Катаева, К. Федина, М. Шолохова, М. Булгакова, А. Твардовского, В. Шаламова, Ю. Домбровского, Ю. Трифонова встретит эссе о К. Воробьеве, А. Шарове, Ю. Семенове или практически забытых Ф. Панферове и Н. Шпанове. Героями его лекций становятся гении и тенденции, причем тех и других автор назначает самостоятельно, неизменно поясняя причины, часто автобиографические, такого «назначения».

Как пишет Геннадий Муриков в своей рецензии на книгу Быкова «Новый “Краткий курс”», «Д. Быков — человек необычайно разносторонний и многодаренный — автор многочисленных стихов, романов, публицистических статей и выступлений не только во всех СМИ, но и на сцене театров, педагог и даже отчасти политический деятель. Если он решил компендиум своих дарований вложить в «Краткий курс» — это что-то значит... Не является ли предполагаемый «краткий курс» образа так называемой советской литературы своего рода манифестом?» [Муриков 2013]. Другой рецензент, отмечая, что «Дмитрий Львович — еще ведь и педагог. Он реально ходит учителем в школу, учит гуттаперчевых тинейджеров разумному, доброму, вечному» [Валеев], подчеркивает претензию автора на то, чтобы, интерпретируя литературные тексты как «совокупность бытийных практик и, конечно, уроков», давать учащимся «уроки жизни» и «уроки выживания» в условиях современной культуры.

Название первого авторского курса Д. Быкова прямо отсылает читателя к книге «История ВКП(б). Краткий курс» И. В. Сталина 1938 года, помимо прочего, ставшей в русской культуре символом догматизма: «краткий курс» предлагал «единственно верное» толкование событий прошлого. Очевидная авторская эпатажная ирония не снимает, тем не менее, известного сходства установок двух текстов: они адресованы широко понимаемым ученикам, выполняют просветительскую миссию. Учащиеся, как правило, воспринимают информацию буквально, соглашаясь с предложенной им версией не слишком знакомых событий, соответственно, «Краткий курс» можно считать не столько рекомендацией, сколько попыткой однозначного — пусть

очень субъективного — толкования советского периода ИЛ.

Среди «альтернативных» ИЛ можно выделить два типа. Первым является открыто политизированная ИЛ. Ярким примером является книга российской журналистки, активистки диссидентского движения В. Новодворской «Поэты и цари», альтернативность которой основана на идее формирования ИЛ на открыто политической основе: согласие / несогласие с советской / российской властью. В известной степени Новодворская ориентируется на столь же открыто антисоветские книги Ю. Мальцева «Вольная русская литература» (1976), Г. Свицкого «На лобном месте: Литература нравственного сопротивления» (1979), Г. Струве «Русская литература в изгнании» (1956) и т. п.

Но в отличие от традиционных историков литературы Ю. Мальцева и Г. Струве, В. Новодворская избирает форму частной ИЛ, в первую очередь, для выражения своих политических взглядов, так как такой тип текста позволяет автору выразить собственную позицию, не особенно заботясь об объективности, и в то же время воспользоваться презумпцией объективности, которая есть у «истории». Она привычно воспринимается неподготовленным читателем как бесспорная истина; информация, облеченная в форму ИЛ, считается заведомо правдивой и правильной.

С первой страницы книга «Поэты и цари» отсылает читателя к советскому периоду в ИЛ, когда авторов оценивали не столько по таланту или мастерству, сколько по идеологической принадлежности. Новодворская придерживается этого же принципа, в выборе героев для своей книги опираясь на оценку их отношений с властью, а не на литературоведческие критерии. Ее интересуют преимущественно писатели, пострадавшие от государства, литературный текст интересен ей как следствие несправедливости власти. Однако автор позволяет себе отклониться от провозглашенного критерия и включить очерки об авторах, нашедших с властью общий язык, но которые ей субъективно нравятся (В. Катаев, А. Толстой).

Во вступлении к книге Новодворская прямо говорит о том, что собирается описывать «темные смутные времена» [Новодворская 2009: 4] страны, литература которой фиксирует ужасы русской жизни на протяжении нескольких веков, «обеспечивая Россию историей». Каждый очерк книги сопровождается броским заголовком в публицистическом стиле: «Запорожец пишет российским султанам» (о Н. Гоголе), «Рыбный день для державы» (о М. Салтыкове-Щедрине), «Достоевский как бренд АО “Россия”» (о Ф. Достоевском), «Пресс-секретарь Вечности» (о Ф. Тютчеве), «Мерлин XX века» (о Д. Мережковском), «Граф, и отстаньте» (об А. Толстом), «Горький плод классовой борьбы» (о М. Горьком), «Маленький, но очень актуальный рассказ об одном эпизоде в борьбе с терроризмом и сепаратизмом» (глава посвящена повести «Тарас Бульба») и т. п.

Каждый герой книги рассматривается сквозь призму одних и тех же политических установок, благодаря чему автор получает возможность много-

кратно, на разном литературном и историческом материале высказывать дорогие ей мысли о преступности советского строя и деградиционных процессах российской истории. Книга, таким образом, оказывается, в первую очередь, о политических взглядах Новодворской. При этом автор активно цитирует классиков, превращая тексты писателей в аргументы к своим утверждениям. Более того, в книгу «Поэты и цари» Новодворская помещает сборник дорожных ей стихов (главы «Стихи Владимира Маяковского», «Стихи Константина Бальмонта», «Стихи Николая Гумилева», «Стихи Велимира Хлебникова», «Стихи Марины Цветаевой», «Стихи Александра Блока»), создавая таким образом еще одну — поэтическую — ИЛ, в то же время делая великих поэтов своими соавторами.

Стремление подкрепить свою позицию чужим авторитетным мнением побуждает автора привлечь также соавторов иного типа. Ими стали значимые для нее фигуры: И. Свицаренко, А. Кох и А. Лаэртский. Каждый из них в силу профессиональных особенностей обладает навыком воздействовать на аудиторию с помощью текстов песен, статей и докладов. Новодворская как полноправный владелец мира своей книги четко распределяет функции между ними: А. Лаэртский и А. Кох вольно пересказывают классические тексты современным языком. Роль И. Свицаренко определена как аналитическая: он комментирует тексты и предлагает читателю выводы в соответствии со своими рассуждениями. Таким образом, книга четко делится на главы-собрания стихов, биографико-аналитические главы, пересказы и откомментированные пересказы текстов.

Себе автор отводит роль эмоционального биографа и распорядителя «кладбища при Храме русской литературы», определяющего, в каком месте и почему заслуживает право на память потомков тот или иной писатель. В итоге выстраивается по-своему стройная ИЛ, открыто выражающая взгляды своего автора — диссидентки, солидарной с признанием великой роли русской литературы в истории России и мира. Низвергая в своей книге власть «царей», Новодворская провозглашает божественную власть русской литературы, которая оказывается, по ее мнению, «главным предметом нашего экспорта, куда более насущным, чем нефть и газ» [Новодворская 2009: 4].

Но частная ИЛ может быть еще более радикальным отказом от общепринятых оценок, своего рода провокацией. Рассмотрим в качестве примера книгу Маруси Климовой «Моя история русской литературы». Автор отрицает все традиции и нормы в оценке классиков, создавая текст от лица хулиганки, чьи саркастические замечания направлены как на интеллектуальные, так и на внешние характеристики героев ее ИЛ. Каждая глава «Моей истории», наряду с характеристиками классиков ИЛ, содержит биографические эпизоды из жизни повествовательницы. Причем биографические персонажи представлены ею в неизменно положительном свете, а литературные, в большинстве своем — в отрицательном. Этот прием акцентирует внимание на проблеме восприятия литературы обычным российским читателем, для которого классика связана со школьными уроками

литературы. Если с бабушкой или мамой героиня самостоятельно устанавливает свои, личные отношения, то чужих и далеких программных писателей, которые, как утверждает рассказчица, «никогда нашей историей уже не станут... Порвалась связь времен, выв!» [Климова 2004:12] ее вынуждают любить «за оценки».

По сути, «Моя история» — это история конфликта обывательницы Маруси Климовой с великой русской литературой, которой ее вынуждают гордиться. Откровенным эпатажем, в частности, глумлением над общепризнанными нормами отношения к классическому наследию повествовательница подчеркивает, что ее ИЛ — это своего рода акт богоборчества, свержения кумиров. Характерно, что в 2014 году книга «Моя история русской литературы» без особых изменений текста была переиздана под названием «Моя антиистория русской литературы». Сама Климова в своем блоге так комментирует новое название книги: «Мне тут уже задавали вопросы по поводу названия. “Анти” на обложке было добавлено по настоянию издателей, чтобы книга не попадала в учебники и не травмировала психику школьников» [Климова 2014]. Но одновременно Марусина подчеркнутая непочтительность рассчитана на читателя, который среагирует, возмутится и в результате задумается о своих пристрастиях в области классической русской литературы, тем самым создав свою ИЛ, эмоционально связанную с его, читателя, жизнью.

Рассмотрев далеко не все виды и тем более тексты «личных ИЛ», мы хотели привлечь внимание к специфическому феномену отечественной словесности, своеобразной попытке выйти за пределы устоявшихся норм и правил интерпретации текстов и творческих индивидуальностей классиков русской литературы. Причинами такого творческого поведения можно считать усталость от стереотипов «академизма», желание вернуть текстам свежесть прочтения, в известной степени адаптировать их к современным условиям, обратить внимание на проблемы восприятия текстов меняющейся аудиторией. Несмотря на то, что в «личных ИЛ» легко вычитываются более или менее открытые амбиции авторов на символическое перекраивание пространства русской классики, во всех случаях авторы подчеркивают свое заинтересованное, даже страстное отношение к русской литературе, демонстрируют готовность продолжать думать над ее текстами, выражают опасение, что значительное для них явление культуры утратит свою роль в обществе. По сути, появление подобных текстов является не только реакцией на монополию истины или желанием са-

мобыразиться через интерпретацию всем известного, но и попыткой противостоять утрате литературоцентризма российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб и доп. — М.: «Большая Российская энциклопедия»; СПб.: «Норинт», 2002.
- Буллер А. О предмете и методе теории исторического познания. — Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_5_6/12.htm.
- Быков Д. Советская литература. Расширенный курс. — М.: ПрозайК, 2015.
- Быков Д. Советская литература. Краткий курс. — М.: ПрозайК, 2013.
- Валеев А. Дмитрий Быков выпустил «Календарь — 2». — Режим доступа: <http://mediazavod.ru/articles/109823>.
- Венедиктова Т. О пользе литературной истории для жизни // Новое литературное обозрение. — 2003. — №59.
- Гаспаров М. Л. Как писать историю литературы // Новое литературное обозрение. — 2003. — №59.
- Гудков Л., Дубин Б. «Эпическое» литературоведение. Стерилизация субъективности и ее цена // Новое литературное обозрение. — 2003. — №59.
- Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. — М.: Новое литературное обозрение, 1994.
- Дмитренко С. Рец. на кн.: Сухих, И. Н. Книги XX века: русский канон. — М.: Издательство Независимая Газета, 2001. — 352 с. // Литература. — 2001. — № 41.
- Дмитриев Д. Русская литература XX века: разные тексты или гипертекст? // Новый мир. — 2001. — № 9.
- Климова М. Femmeterrible: блог Маруси Климовой. Запись 05.09.2014. — Режим доступа: <http://marussia.livejournal.com/443109.html>.
- Климова М. Моя антиистория русской литературы. — М.: АСТ, 2014.
- Климова М. Моя история литературы. — СПб.: Гуманитарная Академия, 2004.
- Лейдерман Н. Л. Русская литература XX века: закономерности исторического развития. Кн. 1, Новые художественные стратегии. — Екатеринбург: УрО РАН; УрО РАО, 2005.
- Литвин И. Рецензия: Новое литературное обозрение. — 2003. — № 59. — Специальный выпуск // Книжное обозрение. — 2003. — Режим доступа: <http://kniga.websib.ru/article.htm?no=116>.
- Муриков Г. Новый краткий курс // Литературная Россия. — 2013. — № 28.
- Новодворская В. Поэты и цари. — М.: АСТ, 2009.
- Сухих И. Книги XX века: Русский канон: Эссе — М.: Изд-во «Независимая газета», 2001.
- Тиханов Г. Будущее истории литературы: Три вызова XXI века // Новое литературное обозрение. — 2003. — №59.
- Шенле А. Между «древней» и «новой» Россией: руины у раннего Карамзина как место modernity // Новое литературное обозрение. — 2003. — №59.

Данные об авторах

Литовская Мария Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, УрО РАН.

Адрес: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина 51.

E-mail: marialiter@gmail.com

Третьякова Кристина Сергеевна — магистрант кафедры русской литературы XX–XXI веков, Уральский федеральный университет имени первого президента.

Адрес: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина 51.

E-mail: marialiter@gmail.com.

About the authors

Litovskaya Maria Arkadievna is a Doctor of Philology, Professor of Russian Literature XX–XXI century Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; Leading Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Tretyakova Kristina Sergeevna is a graduate student of Russian Literature XX–XXI century Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin